

УДК 811. 161.1'37: 075.8

Коренева Ю.В.

Московский государственный областной университет

ОНИМЫ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ПРЕПОДОБНИЧЕСКОГО ЖИТИЯ

Y. Koreneva

Moscow State Regional University

PROPER NAME IN THE CONCEPTOSPHERE OF HAGIOGRAPHY

Аннотация. В статье говорится об использовании онимов в концептосфере преподобнического жития. Онимическая лексика рассматривается через призму макроконцепта агиографии «Святой/Святость». Дается классификация агионимов – имён святости в житии святого, также анализируется их функциональность в житийной концептосфере, устанавливается специфика агионимических номинативных формул. Оцениваются особенности функционирования в пространстве преподобнического жития теонимов, агиоантропонимов, экклезионимов, а также их семантические отношения с апеллятивными единицами, выступающими как синонимическая замена онимам.

Ключевые слова: оним, апеллятив, агионим, концептосфера, житие, номинативная формула.

Abstract. The article deals with the use of proper name in the hagiographies. The proper names are analyzed through the prism of hagiographic concept "Holy/Holiness". The author presented the classification of hagionyms, proper names of holiness, and analyzed the functionality of such words in the hagiographic sphere of concepts. The author establishes the specific of nominative formulas of proper names of holiness, analyzes functions of different proper names in sphere of hagiography, determines semantic relations to common noun.

Key words: proper name, common noun, proper name of holiness, sphere of concepts, life, nominative formula.

В агиографической концептосфере, выстраиваемой вокруг макроконцепта «Святой/Святость», система концептов включает в свой состав и имена собственные, онимы, изучение которых в данном, лингвокогнитивном и лингвокультурологическом, ключе представляется особо актуальным, поскольку об их функциональности и структуре в пространстве житийной литературы современная лингвистическая наука ещё не говорила. Наш языковой материал – жития русских преподобных старцев – реализует собой лишь часть агиографической концептосферы по классификационному признаку «духовный подвиг – тип святости», поэтому логично предположить, что онимическая составляющая концептосферы агиографии будет различной в каждом типе жития, будь то княжеское житие, мученическое, житие святителя или блаженного/ юродивого. Все онимы агиографического жанра «составляют ономастическое поле, объединённое значением святости» [1, с. 9]. Наполнение онимического поля агиографии также будет зависеть от времени подвига и конкретных обстоятельств жизни святого человека. Онимы, концептуализирующие значение святости, называются **агионимами**, которые трактуются как «составное наименование, служащее для называния лиц или объектов, на которых почивает благодать Божия или святость через чин прославления или освящения» [1, с. 9]. Агионимы в агиографической концептосфере можно разделить на 3 группы по векторам реализации святости (классификация по: [1, с. 24]):

1. Теонимы;
2. Агиоантропонимы – имена святых людей;
3. Наименования реалий материальной религиозной культуры;
 - 3.1. Агиотопонимы – наименования географических объектов;
 - 3.2. Экклезионимы – наименования монастырей и храмов;
 - 3.3. Иконимы – наименования икон;
 - 3.4. Эортонимы (геортонимы) – наименования церковных праздников.

С учётом определения агионима включение в данную классификацию теонимов условно, т. к. это отдельная большая группа лексем, не получившая в лингвистике ни достаточного описания, ни окончательного терминологического понимания. «Первая задача, которую необходимо решить при изучении теонимической лексики любого из языков христианского мира, – это составление по возможности полного списка слов, принадлежащих к этой лексико-тематической группе» [7] (по этому вопросу и о теолингвистике также см.: [2]). Вероятно, а для нас очевидно, что теонимическая лексика должна анализироваться только в рамках конкретной конфессиональной концептосферы. Это позволит избежать как денотативной, так и сигнификативной эклектики в её изучении (по этой проблеме см.: [4; 10]). «Теонимы русского языка могут быть распределены по группам в соответствии с особенностями их плана выражения, в соответствии с частотностью их употребления, в соответствии с их денотативной и сигнификативной соотносённостью» [6]. «Таким образом, с точки зрения денотативной соотносённости мы можем выделить пять групп теонимов: слова, обозначающие Бога в целом, без выделения какой-либо Его ипостаси; слова, обозначающие первую ипостась Святой Троицы – Бога-Отца; слова, обозначающие вторую ипостась Святой Троицы – Бога Сына; слова, обозначающие земное воплощение второй ипостаси Святой Троицы – Иисуса Христа; слова, обозначающие третью ипостась Свя-

той Троицы – Святого Духа» [6]. Для русской агиографической концептосферы целесообразно в группу теонимов включить и онимы Богородица/Божия Матерь, Ангел-хранитель, объединяя все эти номинации в группу «слова, именующие Бога и другие Небесные силы – теонимы (Бог, Господь, Иисус Христос, Сын Божий, Отец Небесный, Святая Троица, Богородица, Дева, Ангел Божий и т. д.)» [4, с. 32].

Считается, что ядро лексического значения слова составляет сигнификативная сторона, т. е. понятийное содержание [5, с. 262, 444]. Имя собственное, со стандартных позиций, лишено сигнификата, обладает только денотатом и коннотациями. Это положение вызывает определённые возражения со стороны учёных, т. к. множество собственных имён становится частью культурного и, следовательно, языкового сознания нации, приобретая тем самым концептуальный статус, т. е. такое имя собственное выражает не только понятие, но свидетельствует о наличии концепта в сознании народа (А.С. Пушкин, Россия и проч.). «Согласно одному из известных семантических законов, денотативный объём сигнификативного значения обратно пропорционален его содержанию, т. е. степени его сложности (количеству содержащихся в нём семантических признаков). Собственное имя, обозначающее один единственный референт, является тем самым предельно ограниченным в своём денотативном объёме, откуда должно следовать, в соответствии с приведённым законом, наличие у него не просто *какого-то* сигнификативного значения, но *предельно содержательного*» [9, с. 172].

Применительно к религиозной православной концептосфере следует с уверенностью утверждать, что агионимы в целом и имена святых, агиоантропонимы, в частности, **всегда выражают понятие**, что каноническое имя человека всегда мотивированно, несёт в себе лингвокультурную информацию. Имя собственное вообще и в агиографическом произведении в част-

ности – это не только сильный знак текста, скрепа повествования, но и лингвокультурный комплекс, обладающий сложной стратификацией. «Слоёность» имени собственного в агиографической концептосфере развивается в текстовом пространстве, поэтому возникают как синонимические отношения между, например, онимом *Оптина пустынь* и апеллятивами *монастырь*, *обитель*, так и отношения субституции: апеллятив *обитель/монастырь* в пространстве жития и в определённых контекстах имеет только одну трактовку – именно данный монастырь, а не любой.

- *Поручая духовному окормлению старца Амвросия некоторых из братии, преподобный Макарий знакомил его и с некоторыми боголюбивыми посетителями обители, искавшими окормления* [8, с. 225]*

* (примеры и статистика даются по тексту жития преподобного Амвросия, старца Оптинского, в книге: [8, с. 215-251]).

Подобные отношения, вероятно, можно интерпретировать в понятиях категории определённости/неопределённости, в русском языке не имеющей прямого грамматического воплощения. Апеллятивное слово, по сути имеющее обобщающий характер, используется в функции онима, часто при этом для сохранения онимического статуса пишется с прописной буквы:

- *В Скиту он целый год был помощником повара* [8, с. 221].

Такой же подход в агиографическом тексте видим и в употреблении лексем *старец* и *преподобный*, которые заменяют собой в контексте полную онимическую формулу обозначения святого человека:

- *Затем, после краткого отдыха, Старец слушал часы: 3-й, 6-й с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Спасителю или Божией Матери, каковы акафисты он выслушивал стоя* [8, с. 226];

- *Среди благодатных духовных дарований Преподобного, привлекавших к нему тысячи людей, следует в первую очередь упомянуть о прозорливости* [8, с. 228].

Возможна иная трактовка данного явления: номинативная формула сворачивается по метонимическому принципу, когда тот или иной агионим, в частности, агиотопоним, например *Серафимо-Дивеевский монастырь* употребляется как *Дивеево*, *Свято-Введенская Оптиная Пустынь* – как *Оптина*:

- *В той же Тамбовской епархии, в селе Троекурове, проживал известный в то время подвижник Иларион. Александр Михайлович [прп. Амвросий Оптинский] пришёл к нему за советом, и старец сказал ему: “Иди в Оптину – ты там нужен”* [8, с. 219].

Качество метонимической сворачиваемости/разворачиваемости формульного наименования монастыря имеет выход в синонимии (см. выше): *монастырь* – *обитель* – *пустынь*, когда одна из апеллятивных единиц может выступать в качестве полной замены наименования монастыря, в пространстве житийного текста понимаемого однозначно – не просто монастырь, как организация, место и монахи, а именно определённый монастырь, о котором говорится в предыдущих контекстах.

Сворачиваемость наименования – его эллиптичность – обусловлена, на наш взгляд, психологически, т. е. имеет психолингвистическую основу. И.В. Бугаева такие эллипсы называет редуцированными формами и присваивает им разговорно-просторечную окраску [1, с. 105]. В пространстве житийного текста – преподобнического жития в нашем случае – говорить о разговорно-просторечном характере подобных сокращений не приходится. Причина употребления кратких форм иная: во-первых, это связано с экономией речевых усилий и, во-вторых и в-главных, это связано с процессами концептуализации значений: в контексте уже понятно, что речь идёт о конкретном монастыре, сам апеллятив концептуализирован как имя собственное, в нём актуализирована именно онимическая составляющая, поэтому нет необходимости именовать его каждый раз полностью.

По указанной выше классификации онимов в пространстве преподобнического жития используются:

1) Теонимы (42 словоупотребления):

Бог (16), Господь (14), Царь Небесный (1), Божие (-ий, -ия) (6), Спаситель (1), Божия Матерь (3), Ангел-хранитель (1)

- ... как бы ожидая зова Божия [8, с. 218];
- ... пламенно молился **Божией Матери** просветить его ум и направить его волю [8, с. 219];
- Этот перелом в течении болезни был явным **действием силы Божией**, а сам старец Амвросий впоследствии говорил: «Милостив **Господь!**» [8, с. 222];
- ... канон с акафистом **Спасителю и Божией Матери** [8, с. 226].

2) Агиоантропонимы (165 словоупотреблений):

старец/ отец/ монах + имя преподобного старца, полная формула агиоантропонима в житии: <чин святости + имя + дифференциатор> (подробнее об агиоантропонимах в концептосфере жития: [3, с. 182])

• **Великий Оптинский старец преподобный Амвросий** родился 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии в семье пономаря Михаила Феодоровича и жены его Марфы Николаевны Гренковых [8, с. 217];

• **Преподобный Лев** особенно любил молодого послушника, ласково называя его *Сашей* [8, с. 221];

• Несмотря на болезнь, **отец Амвросий** остался по-прежнему в полном послушании у **Старца**, даже в малейшей вещи давал отчёт ему [8, с. 223].

3) Эклизионимы (30 словоупотреблений):
монастырь (+ синонимия) (24), собор (2), скит (4)

• ... отправился на богомолье в **Троице-Сергиеву Лавру** поклониться игумену земли Русской преподобному Сергию [8, с. 219];

• ... окончивший жизнь на покое в **Оптиной**... [8, с. 224];

• ... до отъезда в **Шамордино**... [8, с. 225];

• ... женская **Казанская пустынь** ... [8, с. 236];

• ... настоятель **Оптиной Пустыни** преподобный Исаакий... [8, с. 236];

• Заупокойная Литургия с чином отпевания была совершена во **Введенском Соборе Оптиной Пустыни** [8, с. 237].

4) Иконимы (1 словоупотребление):

• была привезена чудотворная **Калужская икона Божией Матери** [8, с. 227].

5) Агиотопонимы (нет словоупотреблений).

6) Эортонимы (геортонимы) (нет словоупотреблений).

Отдельно требуется сказать об отношениях в текстовом пространстве жития экклизионимов и агиотопонимов, поскольку эти два типа онимов имеют пересекающиеся поля в сигнификативной зоне языкового знака. Номинация монастыря, храма в языковом сознании и автора, и читателя жития связана с восприятием освящённости самого места, где располагается данный монастырь или храм. Номинация *Оптина Пустынь* в сознании православных верующих – не только название монастыря, одного из многих, но и концепт, имеющий наряду с другими в своём семантическом объёме компонент «святое место». Также заметим, что локальный компонент, дифференциатор, часто содержится в полной номинативной формуле агиоантропонима.

Таким образом, онимическое поле преподобнического жития наполняется всеми типами агионимов, но наиболее обширные группы составляют агиоантропонимы и теонимы, что закономерно, поскольку житие святого в православной концептосфере и антропоцентрично, и христоцентрично одновременно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бугаева И.В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ: Монография. – М., ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007. – 138 с.
2. Гадомский К. Александр. Русская теоллингвистика: история, основные направления исследований. [Электронный ресурс] // Библиотека сербской культуры «Растко»: [сайт]. URL: //www.rastko.rs/filologja/stil/2010/27Gadomski.pdf (дата обращения 10.10.2011).
3. Коренева Ю.В. Агиоантропонимы жития преподобного: специфика структуры и семантики (житие Авраамия Смоленского и собор Смоленских святых)// Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города). Сборник статей по материалам докладов и сообще-

- ний конференции. (Смоленск, 4-5 октября 2012 года). – Смоленск: Маджента, 2012. – С. 181-186.
4. Коренева Ю.В. Тематическое своеобразие религиозной лексики в русских житиях святых// Актуальные вопросы изучения духовной культуры: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XII Кирилло-Мефодиевские чтения». 17 мая 2011. – М.; Ярославль: Ремдер, 2011. – 176 с. – Посвящается 45-летию Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. – с.30–34.
 5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил.
 6. Мусорин А.Ю. К вопросу о классификации неокказиональной христианской теонимической лексики русского языка// Кросс-культурный подход в науке и образовании. – Вып. 5. – Новосибирск, 2010. – С. 203-206. [Электронный ресурс] // Filolgy.ru [Сайт]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/musorin-10.htm> (дата обращения 24.07.2011).
 7. Мусорин А.Ю. Общие проблемы изучения теонимической лексики языков христианского мира// Российские немцы. – Новосибирск, 2008. – С. 221-230. [Электронный ресурс] // Filolgy.ru [Сайт]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/musorin-08b.htm> (дата обращения 24.07.2011)
 8. Преподобные Оптинские старцы. Жития и наставления. Изд. 2-е. Свято-Введенский монастырь Оптина Пустынь, 2004. – 512 с.
 9. Сильницкий Г.Г. Структура сигнификативного значения// Восьмые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции. Часть 3. Слово в тексте. Лексикография как источник информации для лингвистических исследований. Смоленск, 2-3 октября 2007 года. – Смоленск: СмолГУ, 2007. – С. 168-185.
 10. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. – Новосибирск, 2001. – 88 с. [Электронный ресурс] // Filolgy.ru [Сайт]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm> (дата обращения 24.07.2011).